

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации Цзян Сюехуа на тему «Китаизмы в языке русского зарубежья на материале мемуарной прозы (первая половина XX в.)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01. – русский язык

Недостаточная изученность процессов заимствования, обусловленных определенными историческими событиями и объективными факторами, делает данное исследование заслуживающим внимания, вносящим вклад в освещение пласта заимствуемого лексического материала, рассматриваемого с учетом историко-хронологического плана – волны эмиграции выходцев из России на китайский Восток, которая неизбежно должна была вызвать к жизни богатую русскоязычную литературу со своей языковой спецификой.

В пользу перспективности и актуальности заявленной темы и предложенной концепции диссертационного исследования говорят, безусловно, и значительное количество текстов-источников мемуарной прозы и близких к ней по характеру и жанру произведений, и внушительный материал – более 500 лексем китайского происхождения, охватывающих разные типы заимствований – прямых и опосредованных. Это создает базу для исследования корпуса китаизмов, «пополнивших лексикон современного русского языка» и отдельных их разрядов, путей их проникновения в русский язык и процессов освоения русской языковой системой – многоаспектность такого анализа становится, безусловно, гарантом новизны проделанной диссертантом работы, тем более что в исследованиях по русской лексикологии «китаизмы в языке русской эмиграции в Китае не подвергались специальному анализу».

Важным в избранном ракурсе исследования является, на наш взгляд, учет диссертантом исторических условий и обстоятельств, способствующих освоению чужезычной лексики – политических событий, торгово-экономических и культурных контактов (с. 43-49) – вплоть до обращения к культуре Китая русских писателей – А.П. Чехова, Л.Н. Толстого и др.

Структура исследования соответствует задачам, решаемым в каждой из его глав. Первая глава отведена под обзор положений теории заимствований – с целью решения важных терминологических вопросов. Диссертант демонстрирует хорошую осведомленность в области теории заимствований, обращается к разным аспектам, разрабатываемым в лексикологических трудах, развертывает теоретическую базу для осуществляемого анализа. Наиболее подробными – и это закономерно – являются в первой главе разделы 1.4 и 1.5, отведенные,

соответственно, проблемам классификации заимствованных слов по различным критериям и степени изученности китаизмов как определенного пласта лексики.

Завершая каждый из разделов, автор подчеркивает те параметры, которые будут им учтены в изложении результатов исследований в главах II и III. Смущают, однако, следующие вещи.

Первое. Вполне понятно желание автора привлечь к анализу максимальное количество обнаруженных в текстах единиц, однако же, заявляя определенные исходные позиции, диссертант, как нам представляется, должен им строго следовать. Тем не менее мы встречаем достаточно противоречивые высказывания в отношении отдельных определений и некоторых целевых установок. Например, на с. 23 диссертант пишет, что предметом его изучения являются лексические единицы китайского происхождения, «усвоенные русским языком». Далее уточняется, что «термин “заимствование” используется в работе прежде всего для обозначения *процесса перехода* этих единиц в русский язык”. Посему не вполне ясно, являлись ли на тот момент обнаруженные диссертантом в анализируемых текстах единицы уже усвоенными русским языком или находились на определенном этапе вхождения и как эти высказывания согласуются с включаемыми в предмет анализа варваризмами и экзотизмами, которые усвоенными языком не являются.

Второе. Раздел 1.4.2. заканчивается фразой «Анализу подвергаются слова, вошедшие в русский язык во все периоды его существования до XXI в.» (с. 31), что не вполне понятно в свете заявленного в названии работы источника материала.

Третье. Нуждается, на наш взгляд, в уточнении или корректировке определение, на которое опирается исследователь в данной работе (с. 43): Китаизмы — это **все** пришедшие в разное время в русский язык **прямо или опосредованно** китайские исконные или заимствованные слова китайского языка, независимо от их источника происхождения и принадлежности к разным диалектам, языкам национальных меньшинств в Китае.

Четвертое. Представляется странным, что в работе отсутствует характеристика использованных литературных источников и примеры контекстов, в которых данные слова обнаруживаются — здесь были бы очень важными письменные свидетельства «очевидцев», т.е. людей, составлявших эмиграцию и непосредственно осваивавших новую для них лексику и высказывавших свое к ней отношение либо уже освоивших ее и пользовавшихся ею наравне с русской лексикой. Важны метаязыковые средства, указывающие на восприятие этой лексики как своей или чужой, комментарии и проч. Это, возможно, позволило бы судить о том, какова свобода в использовании заимствований носителями русского языка, на какой стадии освоения находятся отдельные языковые единицы.

Вторая глава диссертации, опирающаяся на большую лексикографическую работу – обращение к 19 словарям – позволила сделать интересные наблюдения относительно времени фиксации в русскоязычных словарях китаизмов, обнаруженных в мемуарной литературе русской эмиграции, в отношении состава лексики, в которой лишь 66 единиц являются опосредованными заимствованиями, так и в отношении отдельных слов – например, слова *мандарин*, наименования китайских сановников, пришедшего из португальского языка и китаизмом не являвшегося.

Заслуживают внимания, во-первых, весьма показательные таблицы (с. 71-72), показывающие динамику в процессах появления и исчезновения китаизмов в русском языке: одни зафиксированы всеми словарями, а другие упомянуты лишь одним из них. При этом, правда, не вполне ясно, являются ли эти данные показателем того, на какой стадии (проникновения, заимствования, укоренения) находились или находятся китаизмы – с точки зрения времени зафиксировавшего их источника и сегодняшнего лексикона. Во-вторых, отдельные разряды китаизмов автора характеризует по степени устойчивости в принимающем языке, поскольку отдельные слова давно «присвоены» русским языком и не осознаются носителями языка как чужие (*лама, чай, тайфун, чесуча*), в то время как другие – *шэньши, ямынь, манзы* – сохраняют флер чужеродности.

Наблюдаются здесь и некоторые противоречия. Слово *жемчуг* в одном случае (с. 69) причисляется к словам, полностью освоенным русским языком, в другом же (с. 73-74) — включается в группу слов, «сохранивших отдельные внешние признаки языка-источника». Для нас сами признаки языка-источника в отдельных словах – при отсутствии специальных комментариев – также не очевидны: сравните слова *дацан* и *пацан, тайфун* и *пачкун, чумиза, реприза, зараза* и проч.

Характеризуя типы заимствования (раздел 2.5), диссертант последовательно рассматривает отдельные разряды единиц – лексические заимствования, варваризмы и экзотизмы, характеризует их состав. Положительным моментом является включение в материал устойчивых выражений китайского языка, которые, правда, не всегда сопровождаются авторской семантизацией.

А вот включение так называемых «развернутых варваризмов» (в частности, целых строк из песен), диалоговых реплик (а то и диалоговых единств из двух реплик) идет, на наш взгляд, вразрез с поставленной в работе задачей изучения – подчеркну – лексических заимствований. Примеры на с. 86-87: -‘Куда ты идёшь? - Я иду в Харбин’, ‘Пожалуйста, дайте мне холодной воды’ – лексическими заимствованиями не являются. Никак не оговорена в исходных установках исследования возможность включения в лексический материал и этикетных

формул – единиц иного грамматического статуса, несмотря на свой «иностранно-нерусский облик».

Предложенный диссертантом в *третьей главе* подход к анализу материала оправдан важностью процессов освоения заимствованной лексики на разных уровнях. Разнообразие заимствований не является, как показывает Сюехуа Цзян, препятствием для их систематизации. Диссертантом отмечены особенности графики, связанные с фонетическим характером китаизма, с его принадлежностью к одному из тематических классов – оронимов, ойконимов, гидронимов. Особое внимание уделено написанию личных имен, что очень важно в свете расширения в настоящее время межкультурной коммуникации русских и китайцев. Указываются причины расхождений в графическом оформлении китаизмов – изменение правил транскрипции в КНР, влияние английского языка и проч. Хотелось бы также пояснений относительно отсутствия примеров расхождений в написании слов, связанных, с одной стороны, со спонтанным – без лингвистических рефлексий – оформлением используемого китаизма русскоязычным говорящим эпохи харбинского пребывания, и, с другой – написанием, отстоящим во времени на 70-100 лет и регламентируемым существующими ныне нормами. Поскольку литература эпохи эмиграции относится к периоду, заканчивающемуся серединой XX века, а унификация графического оформления китайских слов (в работе Г.П. Сердюченко, в частности), принятого сейчас, датируется 1967 годом, то, очевидно, должны быть различия в написании слов в современных работах и произведениях русского зарубежья первой половины XX века.

Раздел, посвященный морфологическому освоению китаизмов, охватывает разноплановые факты обретения заимствованиями грамматических категорий (рода, числа, падежа), способности к словоизменению, определяемой формой заимствования, примеры словообразовательных возможностей китаизмов – образование относительных прилагательных (*мукденский, сунгарийский*), наименований лиц – по месту жительства (*харбинец, шанхаец*), приверженности идеям и течениям (*бэйгуанец, конфуцианец, буддист*), хотя хронологическая привязка слов *маоист, хунвэйбин* (участник молодежных отрядов, сформированных в Китае в 1966 г.) и некоторых других к эмигрантской эпохе представляется сомнительной.

В последнем разделе работы, судя по приведенным примерам, речь идет о лексико-семантических процессах, связанных с освоением заимствованной китайской лексики русским языком в целом, а не в пределах означенных хронологических и историко-фактологических рамок. Обнаруживается лишь 1 пример, имеющий отношение к эпохе эмиграции: слово *гоби* ('участок пустыни'), ставшее в русском языке Северо-Восточного Китая в первой пол. XX в. наименованием 'местных денег, находившихся в обращении'.

Такие же слова, как *даба*, *фанза*, *хунхуз*, изменяют свой семантический спектр отнюдь не в указанный период и не в языке русского зарубежья, а в широком временном и территориальном русскоязычном пространстве XX-XXI вв.

Несомненной заслугой диссертанта является представление проанализированного материала в виде приложений, где дается этимологическая справка, толкование и нередко — лингвокультурологический комментарий.

Поставленные автором в работе задачи соотносятся с композиционным построением текста, отдельные главы сопровождаются необходимыми выводами, хотя часть выводов — особенно по второй и третьей главам — попала в Заключение. В целом задачи можно считать выполненными и цель достигнутой, хотя и не без недочетов и погрешностей. Назовем некоторые из них.

1. На наш взгляд, из приведенных защищаемых в работе положений первое (что такое китаизм) в доказательстве не нуждается: это определение рабочих терминов, необходимое в любом диссертационном исследовании.

2. К анализу материала не было привлечено ни одного произведения, написанного представителями русского зарубежья (харбинского периода) и датированного временем первой волны эмиграции. Исследование базируется исключительно на литературе второй половины XX в. (по большей части последней его четверти) — начала XXI в., что не вполне соответствует обозначенному во Введении объекту и названию работы: *Исследуются китаизмы как лексические языковые единицы <...> в языке русского зарубежья – русской эмиграции первой волны в Китай (в первую очередь в Харбине)*.

3. Требуется, на наш взгляд, строгость и определенность в использовании сложившихся в лингвистической традиции терминов. Так, антиномия «широкое и узкое понимание китаизма» применяется трижды в отношении разных критериев отбора единиц для анализа. Такой терминологический разнобой представляется недопустимым.

4. В Заключении повторяются, к сожалению, фрагменты текста отдельных глав, уместным в выводах, но никак не в заключительной части, обобщающей выводы по отдельным главам и, как правило, демонстрирующей степень доказанности выдвинутой гипотезы, которая в данном научном сочинении вообще отсутствует. Нам представляется, что это могло быть развертывание и раскрытие положения, прозвучавший у автора на с. 12: «Мемуарная литература русских эмигрантов в Китае – ценный источник по изучению лексики китайского происхождения в русском языке и ассимиляции этой лексики».

5. Работа, к сожалению, представлена с многочисленными грамматическими и стилистическими погрешностями – как в самом тексте (с. 12, 13, 23, 37, 41, 42, 48, 73, 86, 87, 88, 100, 118, 120, 129 и др.), так и в формулировке отдельных заголовков (1.4.3. *Классификация* иноязычных слов *по путям* заимствования; см. также 2.4.).

Хотелось бы получить от диссертанта и ответы на следующие вопросы:

- 1) В какой степени жанр анализируемых литературных произведений определяет активность вовлечения китаизмов? Является ли этот процесс в какой-то степени намеренным или скорее спонтанным? Все-таки бытописание этнографического характера может существенно отличаться от художественного произведения как по номенклатуре лексики и ее функциям, так и по способу ее введения и комментирования.
- 2) Насколько «китайскость» заимствованных слов осознавалась составителями словарей и в какой степени информация об этом доводилась до сведения пользователей словаря?. Есть ли разница в трактовке слов словарями разного времени?

Высказанные замечания не снижают положительного в целом впечатления от работы и не отрицают очевидных заслуг диссертанта.

Диссертация Цзян Сюехуа на тему «Китаизмы в языке русского зарубежья на материале мемуарной прозы (первая половина XX в.)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Цзян Сюехуа заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
д.ф.н., профессор, и.о. зав. каф. русского
языка для гуманитарных и естественных
факультетов

Е.И. Селиверстова